

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЫНКА ТРУДА НЕОБХОДИМЫМИ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ

Т.Т. Шаболотов

Рассматриваются проблемы в координации систем, обеспечивающих рынок труда рабочими кадрами и специалистами и направления миграционной политики, воздействующих на рынок труда.

Ключевые слова: миграция; миграционные процесс; трудовые мигранты; миграционные потоки; квота, семейная иммиграция.

Сократить трудовую миграцию в целом могла бы более эффективная координация между системой образования, профессиональной подготовкой и занятостью населения. В России более 1,5 млн официально зарегистрированных безработных граждан. Только в 2007 г. Федеральная миграционная служба Российской Федерации выдала иммигрантам 1,6 млн разрешений на работу. Таким образом, представляется целесообразным направлять часть безработных на обучение и переобучение по востребованным на рынке труда профессиям, включая те, по которым работодатели предполагают привлечь ино-

странцев. Однако надо иметь в виду, что значительная доля безработных – это женщины после 40 лет с высшим образованием¹. Существуют и другие непопулярные меры, которые также могли бы снизить потребность в мигрантах, например, увеличение пенсионного возраста. Однако на сегодняшний день, учитывая заметный рост продолжительности жизни европейцев, эта мера скорее актуальна для Европы, чем для России.

К внешним факторам, влияющим на миграционную политику России, относится не-

¹ Российская газета. 2007. 14 сентября.

обходимость координировать ее в рамках европейского, средиземноморского сотрудничества и постсоветского пространства, а также приводить национальное законодательство в этой области в соответствие с международным. Наконец, внешнеполитические, геополитические интересы нередко, а в последнее время все чаще, диктуют тактику компромисса со странами-донорами, одновременно являющимися важными политическими, экономическими союзниками или партнерами в энергодиалоге. Ориентируясь на поощрение контролируемой трудовой, временной, сезонной и студенческой миграции, необходимо предусмотреть возможную перспективу интеграции иммигрантов, остающихся на ПМЖ, как их способность к ней, так и ее оптимальную модель, а также комплекс мер, которые бы сохраняли привычный уровень жизни и комфорта, социально-культурную среду “коренного” населения. В противном случае рост конфликтности и экстремизма в обществе неизбежен.

На современном этапе трудовая миграция оценивается как один из факторов сохранения правящих режимов и стабильности в регионе.

В Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане трудовые мигранты дают возможность выжить и простым людям, и правителям – как ни парадоксально это звучит, но в этом жизненные интересы власти и народа совпадают.

Россия и Казахстан дают работу миллионам приехавших из Центральной Азии. Это отчасти снимает напряженность и в некоторой степени гасит протесты, которые могут возникнуть из-за неэффективной политики правительств, чего, однако, не произошло в апреле 2010 г., когда народ Кыргызстана выразил свое недовольство по поводу проведения негативной политики президента и правительства республики.

В 2004–2008 гг., когда имел место бум трудовой миграции, покинули дома и уехали на заработки в Россию и Казахстан 800 тыс. кыргызов, 1,5 млн таджиков и 2,5 млн узбеков. Они работали на стройках (40 % рабочих – мигранты), в розничной торговле, сельском хозяйстве и ЖКХ и получали за свою работу меньше, чем платили местным жителям. Когда грянул мировой экономический кризис 2008 г., многие из них потеряли работу, около 1 млн человек вернулись в свои дома в конце 2009 г. Но часть из них осталась, перешла на нелегальное положение, они брались за любую работу, лишь бы иметь возможность отправлять деньги домой, чтобы поддержать благосостояние семей.

В Центральной Азии растет зависимость от денежных переводов мигрантов. Кыргызстан признает, насколько важны денежные поступления от мигрантов для выживания государства. Объемы денежных переводов серьезно различаются. В 2008 г. они составляли 27 % кыргызского ВВП. Объем переводов быстро рос. За 2006–2008 гг. поступления в Кыргызстан возросли с 481 млн долл. до 1,2 млрд. Поступления от переводов поднимали общий уровень жизни в Кыргызстане, не давая людям скатиться в нищету. В 2010 г. в Кыргызстан был уже переведен 1 млрд 200 млн долл., или треть ВВП.

Накануне кризиса поступления от мигрантов создавали иллюзию роста благополучия, хоть и относительного, но, тем не менее, устойчивого. Пока деньги поступали в страны региона, эти государства закрывали глаза и на ущербность собственных национальных экономик, и на проблемы насилия, которому подвергались мигранты в России, и на то, как негативно сказывается массовый отъезд трудоспособных мужчин на их семьях.

В 2009 г. международные наблюдатели заметили, что поступления денежных средств в Кыргызстан сократились на 25 % по сравнению с 2008 г. В последующие годы наблюдался рост объемов переводимых мигрантами средств. Хотя денежные поступления являются основным, постоянным и надежным механизмом поддержки беднейших слоев населения, однако это эффективней и честней любой поддержки, которую предлагает государство. Эти деньги идут на покрытие самых необходимых семейных расходов. Если кому-то удастся сделать накопления – то считается роскошью, и отложенные деньги тратят на медицинское обслуживание или образование.

Первой реакцией властей России и Казахстана на кризис стало сокращение квот на иностранную рабочую силу. Россия снизила в 2009 г. квоты с 3 до 1,95 млн рабочих мест. Казахстан также снизил квоты до 66,3 тыс. мест. Но многие мигранты, и не только из Центральной Азии, работают в России и Казахстане нелегально. По имеющимся оценкам, в России нелегалов около 65 % от общего числа мигрантов. В Казахстане доля нелегалов даже выше. Согласно официальным данным МВД Республики Казахстан, на территории Казахстана постоянную регистрацию имеют около 5 тыс. граждан Кыргызской Республики, временную – около 50 тыс. человек. Тогда как по данным Посольства Кыргызской Республики в Республике Казахстан число ра-

ботающих в Казахстане кыргызстанцев достигает 80 тыс. человек. Из них разрешение на трудовую деятельность имеют менее 10 %. Одной из основных проблем, с которой сталкиваются трудовые мигранты из Кыргызстана в Казахстане – это сложная процедура получения разрешительных документов на работу¹. Эксперты полагают, что численность мигрантов достигает 3 млн ежегодно, и только около 200–300 тыс. из них работают легально.

Чтобы приехать в Россию из Центральной Азии, виза не нужна, и некоторые гастарбайтеры приезжают и работают, имея временную регистрацию, но, не имея разрешения на работу. Некоторые заняты в так называемой “теневой экономике”, когда права рабочих не защищены, а их работодатели не платят налоги, могут задерживать зарплату, забирают паспорта рабочих и т. д. Некоторые обозреватели полагают, что уменьшенные квоты сохранятся еще некоторое время, даже если вдруг начнется экономический подъем, и причины такого длительного сокращения льгот, скорее политические, а не экономические. Например, московское правительство сократило в 2010 г. квоты до 250 тыс. хотя предприниматели просили о квоте в 1,38 млн рабочих мест. Однако московские власти заявили, что такое решение продиктовано заботой о москвичах, которых нельзя вытеснить с рынка труда. Казахский правительственный эксперт по вопросам миграции заметил, что власти очень боятся роста безработицы среди местного населения.

Многие мигранты понимают, на что они могут рассчитывать, а на что – нет. Привыкнув избегать столкновений с властями у себя дома, где они чаще становятся жертвами мелкого вымогательства, чем получают реальную помощь, трудовые мигранты не желают иметь дела и с российской бюрократией. Многие мигранты подавлены кризисом, деморализованы ростом расистских настроений. Они вынуждены мириться с тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой. Но они все равно приезжают в надежде найти хоть какую-то работу.

Мигранты обычно покидают дома весной и возвращаются в начале зимы. Из Кыргызстана едут мужчины 18–35 лет, большинство из них закончили школу, некоторые имеют профессии, но есть среди них и те, кто имеет диплом о высшем образовании. Мигранты помоложе, получившие образование уже после распада СССР,

¹ Архив Министерства труда, занятости и миграции КР.

и те, кто приезжает из сельских районов, хуже говорят по-русски и менее квалифицированы. Те, кто приезжает из городов и кому за тридцать, обладают достаточным для работы знанием языка. Около 10–20 % – женщины. Решение уехать на заработки бывает вызвано и экономическими, и политическими причинами. От местного населения их отличает готовность работать по многу часов, причем на худших условиях.

Мигранты в России работают, как правило, в сфере строительства, там, где нужен ручной труд, на огромных рынках, которые есть в каждом крупном городе. В Казахстане у каждой диаспоры – своя ниша. Кыргызы и их семьи работают в торговле и на сборе табака. Существует и гендерное разделение рынка труда: женщины устраиваются домработницами и зарабатывают на 20 % меньше мужчин. Большинство мигрантов находит работу с помощью знакомых или родственников, которые приехали на заработки раньше и уже устроились.

Данные статистических исследований подтверждают, что определенная часть гастарбайтеров во время кризиса вернулась домой, однако они ждут улучшения ситуации, чтобы снова покинуть страну и вернуться в Россию. Кыргызстанские власти говорят, что вернулись от 10 до 25 % мигрантов (или 80–200 тыс. человек). Это незначительная часть. Многие не хотят возвращаться как проигравшие. Миграция всегда ассоциируется с успехом. Многим известны примеры, как семьи тех, кто уезжал на заработки, приобретали новые машины, строили новые большие дома, начинали лучше питаться и одеваться. Поэтому гастарбайтеры предпочитают не возвращаться домой, остаются, надеясь на лучшее.

Среди тех, кто остается в России и Казахстане, – более опытные и квалифицированные мигранты. Однако и их труд теперь оплачивается хуже, и работы для них стало меньше. В России численность легальных мигрантов резко сократилась. Кто-то сокращает рабочий сезон и уезжает раньше, кто-то остается, переходя на нелегальное положение. Работы на больших городских стройках стало меньше, и многие мигранты заняты в частном строительстве. Менее квалифицированные рабочие нашли заработок в ЖКХ или в сельском хозяйстве.

Из больших городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, которые традиционно оставались центрами притяжения для гастарбайтеров, многие перебираются на Дальний Восток. Они зарабатывают 200–300 долл. в ме-

сяц и держатся за свою работу. В любом случае это гораздо больше, чем они могли бы получать у себя дома.

Однако в российском обществе растут анти-мигрантские настроения. Мало вникая в значимость мигрантов для российской экономики, общественное мнение фокусируется на том, что мигранты не платят налоги, что российская экономика от этого теряет, а Центральная Азия получает бешеную прибыль от денежных переводов гастарбайтеров. В России мигранты из Центральной Азии являются объектами миллицейского произвола, насилия со стороны скинхедов и расистов. Согласно последним данным, 47 % верят, что мигранты разносят болезни и совершают преступления, 60 % считают, что мигранты несут угрозу терроризма. Негативное восприятие мигрантов особенно сильно в Москве и Санкт-Петербурге. Большинство москвичей с трудом выносят высокую скученность мигрантов в некоторых районах столицы, говорят об этих районах как об этнических гетто и опасаются, что из-за присутствия в районе мигрантов стоимость квартир начнет падать.

Российские СМИ способствуя закреплению негативных культурных стереотипов, часто обвиняют мигрантов в росте преступности, распространении заболеваний, в том числе и СПИДа, но факты, на которые опираются газетчики, неполны, их достоверность сомнительна. Власти сообщают, что число преступлений, совершаемых иностранными рабочими, действительно возросло, но власти связывают этот рост с нарушениями миграционного законодательства. Ксенофобия проявляется по-разному, от мелких домогательств и приставаний до насильственных преступлений.

Многие мигранты не знают о своих правах, они предпочитают откупиться (даже за несовершенное правонарушение), лишь бы их не задерживали в милиции или не отнимали паспорт. Мигранты не доверяют милиции и потому неохотно сообщают о преступлениях, жертвами которых становятся.

Недостаток информации о преступлениях против мигрантов создает впечатление, что этих преступлений почти не существует. Тем не менее, в январе–сентябре 2009 г. от нападений расистов погибли 48 человек, в 2008 г. зафиксировано 525 пострадавших от расистов, среди них 97 погибших. Эта статистика явно занижена, среди преступлений, совершенных на почве ненависти, количество расистских преступлений значительно больше.

Подвергаясь унижениям и притеснениям в России, мигранты говорят, что с большей антипатией стали относиться к русским. Мигранты возвращаются домой, в нищету и безработицу, и выходят на улицы протестовать и требовать политических изменений.

Один таджикский оппозиционный лидер описывал мигрантов как социальную группу, которая может многое изменить, оставаясь дома: «Они наиболее способны, решительны, а те испытания, через которые они прошли, живя и работая на чужбине, делают их более смелыми. Менее активные всегда немного позади».

Однако, как правило, гастарбайтеры просто переживают кризис и сосредоточены на поиске работы, а не на смене правительства или режима. Но если экономический кризис будет продолжаться, нельзя исключать возможной радикализации мигрантов.

Некоторые международные организации начинают отмечать, что экономический кризис может спровоцировать проблемы, связанные с безопасностью. Исследование, опубликованное ОБСЕ в конце 2009 г. называет среди последствий кризиса, во-первых, появление интереса к политике у традиционно аполитичного населения региона и, во-вторых, активизацию экстремистских религиозных организаций типа ХТ.

Можно предположить, что, несмотря на кризис, поток мигрантов не прекратится. Ни одна из стран Центральной Азии, которая является поставщиком рабочей силы, не высказывает желания и реального интереса к созданию рабочих мест у себя дома. И потребность России в мигрантах еще долго будет сильнее желания Бишкека или Душанбе оставить своих граждан у себя. По данным Росстата, естественная убыль российского населения с 2008 по 2025 г. составит 11 млн человек, число трудоспособных россиян сократится еще быстрее – на 1 млн в год в период между 2011 и 2017 гг. Это серьезно скажется на промышленном развитии России. Россия должна будет продолжать политику привлечения большого числа иностранных рабочих, или своих новых граждан.

По мнению одного международного эксперта, российское правительство умышленно сокращает трудовые квоты, чтобы заставить мигрантов принимать российское гражданство, а не тратить время на постоянные продления разрешений на работу. Многие мигранты признают, что получить российское гражданство проще, чем каждый раз продлевать разрешение на работу.

После 1991 г. российское гражданство получили 170 тыс. кыргызов. Но реальная трагедия Центральной Азии в том, что люди, которым предоставляется российское гражданство, являются наиболее энергичной и образованной частью населения.

Волнения возможны и в будущем, но даже если их и не будет, проблемы останутся. Без усилий по созданию эффективной экономики, без искоренения коррупции и улучшения качества социальных услуг государства Центральной Азии останутся в зависимости от своих более развитых соседей. Безработные мигранты дополнят список нерешенных проблем региона. В отсутствие эффективных реформ продолжится общая люмпенизация центральноазиатских обществ, поскольку все более или менее образованные, квалифицированные, здоровые и энергичные люди уезжают в Россию и Казахстан,

и в случае с Россией принимают российское гражданство. Учитывая, что довольно много образованных и квалифицированных людей покинуло регион после развала СССР, центральноазиатские страны не могут позволить себе терять людей и дальше, если хотят выжить в качестве жизнеспособных и независимых государств. Даже сезонные миграции не проходят бесследно, отъезд мужчин серьезно сказывается на проблемах детей и остающихся женщин.

Трудно представить, какие проблемы могут быть в регионе в будущем, если правительства региона будут продолжать руководствоваться интересами правящих элит и решать только их проблемы. Некоторые правительства надеются на международную помощь – и действительно, получают ее от иностранных государств и международных организаций, но эта помощь расхищается коррумпированной бюрократией.